

Секция «История»

«Власть» в средневековой Норвегии и ее церковные и светские дефиниции

Шелина Евгения Александровна

Соискатель

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Исторический

факультет, Москва, Россия

E-mail: jshelina@gmail.com

Тема «власти», в частности «власти в Средние века», является одной из излюбленных тем в современных европейских историографиях. Вследствие большого количества работ, посвященных данной проблематике, наблюдается и большое количество подходов к изучению этого феномена. Однако многие работы о «власти в Средние века», пишут ли историки о власти церковных иерархов, императоров, королей или каких-либо представителей элиты, отличает одна общая черта: они основаны на современных теориях «власти» и, что важнее, на современных многочисленных дефинициях «власти», с нередким «вчитыванием» современных смыслов в средневековые слова (хотя все историки и признают значительные отличия между европейской «средневековой» и «современной» действительностями). Например, многие медиевисты повторяют, что «власть» в Средние века как представителей светской власти, так и представителей Церкви (но особенно светской власти), – это власть не над территориями, а над людьми, хотя из средневекового словоупотребления едва ли следует, что таковая оппозиция между «властью над людьми» и «властью над территориями» вообще существовала, скорее наоборот, одна власть была связана с другой, поэтому в одних и тех же текстах рядом друг с другом мы встречаем сочетания слов «власть над [...] территорией» и «власть над [...] людьми». Особенно это характерно для того периода, когда церковная модель [1] контроля населения через четкие территориальные структуры нескольких уровней начала ассимилироваться королевской властью. К тому же, в некоторых случаях определенный тип власти и территория, на которую распространяется данный тип власти, в некоторых языках могли обозначаться одним словом (например, древне-норвежское «riki» в XIII веке являлось и эквивалентом слова «власть», и эквивалентом слова «королевство»). В тоже время довольно часто «власть» представлялась не как «власть кого-то над кем-то» или «кого-то над какой-то территорией», но как власть «что-то (с)делать».

Между тем, в Средние века или в какой-либо «период» Средневековья не было единой категории «власти» и не было одного единственного слова, которое для всей территории католического мира, например, полностью совпадало бы своими значениями с современным словом «власть» ни в одном из европейских языков. К тому же «власть» была менее абстрактной категорией, нежели она является сейчас. При этом, в отличие от современности, в Средние века существовал институт Церкви, который транслировал сходные модели «власти» по всей территории Западной Европы и пока этот институт был основным источником таких моделей и пока язык этого института (латынь) был основным языком «переговоров» о «власти», мы можем наблюдать сходства в семантических полях таких слов как «potestas», «auctoritas» и т.д. в документах разных территорий внутри католической Европы. Однако начиная с XII, а особенно с XIII века языком королевской власти, как устным, так и письменным, все чаще становится язык

народный. И здесь у «светских» правителей появляется больше «свобод действия» в конструировании своей «власти»: дискурс о власти уже не столь ограничен теми значениями слов и словосочетаний, которые встречаются в Библии, Писаниях святых отцов и которые стремится транслировать Церковь в определенный период времени, ибо и представления Церкви о «власти» не были столь устойчивыми, какими они порой нам могут показаться. При этом наибольшее количество расхождений в семантических полях слов, обозначавших «власть» в различных «народных» языках мы встречаем на «начальном» этапе становления «народных языков» как языков «власти», когда ее носители пытались определять «власть», корректируя значения слов и/или контексты их употребления под конкретные обстоятельства конкретной территории, столь различные в XIII веке в Западной Европе.

В это же время постепенно «выстраивается» тот состав лиц, который может обладать тем или иным типом власти. Так, в Норвегии, где практически изначально не только «светским», но и церковным языком являлась не только латынь, но и язык «народный» (древненорвежский), переводом как «potestas», так и «auctoritas» в это время является «vald» или «veldi». «Vald» обладают все «носители власти», начиная от Бога и вплоть до носителей звания лендрманнов (баронов), как лица светские, так и прелаты. Например, в Ландслове король и епископ имеют «valld», первый "til veralldrigrá luta второй "til andloegra luta"[2]. Отметим, однако, что идея "vald" в некоторых документах намеренно не передается при помощи двух базовых латинских терминов «potestas» и «auctoritas». Например, авторы очень важного договора между королем и архиепископом 1277 года их намеренно избегают[3]. Между тем, прелаты не обладают «ríki», и их «власть» не обозначается этим словом, «монополизированным» светскими лицами. То есть на протяжении XIII века постепенно происходит и некоторое упорядочивание в используемой «политической лексике».

В это время и иерархия значений слов-эквивалентов «власти» не была устойчивой и менялась под воздействием политических процессов, происходивших в различных странах Западной Европы. Интересно то, что периодически слова, которые в некоторых контекстах могли служить для подчеркивания смысловых отличий, такие как «potestas» и «auctoritas», например, в иных ситуациях использовались как синонимы, а в третьих, обретали значения друг друга, как бы ими обмениваясь. Это отчетливо видно при анализе этих слов на скандинавской «периферии» католической Европы, ибо то, что казалось устойчивым в «центре», не всегда являлось таковым на периферии системы. Из всех же европейских «периферий» скандинавская интересна прежде всего тем, что здесь XIII век был временем сосуществования двух принципов власти: власти, получаемой от Бога, и власти, получаемой от народа, что создавало дополнительные трудности при определении «власти» и дополнительные контексты употребления слова «власть». К тому же в XIII веке норвежские элиты начинают заимствовать «придворный» словарь из других европейских языков, и заимствованный словарь в первую очередь являлся словарем «политическим». В силу этого расхождения в значениях слов и контекстах их употребления становится еще больше, ибо не все источники (не все авторы различных источников и различных типов источников) транслируют эти «новые значения слов», а транслируя их, помещают их в различные контексты: «власть» юридических документов, таких как государственных законов или законов для элиты страны, не будет описываться также, как «власть» в документах церковных соборов.

На конференции изложенные положения будут проиллюстрированы примерами из *Saga Sverris Konungs*, *Konungs Skuggsiá*, *Hakonar Saga Gamla*, *Hirdskrá*, *Landslov* и другими документами из *Norges Gamle love* (bd. 1-3) и *Diplomatarium Norvegicum* (bd. 1-22).

[1] «церковная» условно, ибо некогда она была заимствована из Византии, где являлась «государственной»

[2] *Christendomsbolk*, NGL, II, p. 23

[3] ср. *Overeenskomst mellom Kongen og Erkebiskoppen*: латинская версия NGL, II, p. 463, древнорвежская версия – NGL, II, p. 468-470.

Источники и литература

1. Основные источники:

2. 1. *Konungs Skuggsiá*, ed. L. Holm-Olsen, Oslo, 1945.

3. 2. *Hakonar Saga Gamla*, *Konunga Sögur*, Bd. III, Reykjavik, 1957, (p). 1–464.

4. 3. *Norges gamle Love indtil 1387* (NGL), bd. II, Christiania, 1848.

5. 4. *Diplomatarium Norvegicum*, 1-22, Kristiania/Oslo, 1849-1995.